

Я поспешно сунула руку, чтобы помешать. Она сказала:

— Убери, а то зажму — пальцы пострадают, я не виновата.

Полагая, что она не посмеет, я лишь рассмеялась, оставив руку на месте. А-Хуань бросила на меня взгляд и действительно стала опускать подпорку. Я быстро подняла обе руки, окно ударило по пальцам — больно. Но я, не обращая внимания на боль, попыталась приподнять раму, чтобы влезть. Однако она, увидев, что зажала мне руки, снова приоткрыла окно, и оно ударило меня снизу в подбородок. Я ахнула и тихо позвала:

— А-Хуань, дай войти.

Изнутри — ни звука. Я подняла окно, чтобы заглянуть, как вдруг кто-то хлопнул меня по плечу. Вздрогнув, обернулась и увидела рядом А-Хуань. Та недовольно бросила:

— Заходи.

И повернулась, уходя внутрь.

Я заметила, что она полностью одета и даже обута. На сердце стало горько. Плетясь за ней, я жалобно сказала:

— А-Хуань, рукам больно, помассируй, пожалуйста.

Она проигнорировала, подошла к двери, нагнулась, сняла туфли и босиком вошла. Я с тоской посмотрела ей вслед и, поняв, что надеяться не на что, сама, стиснув зубы, разулась и поспешила следом. Идя, спросила:

— Я же приставила к тебе служанок. Куда они все подевались?

Она ответила:

— Захотелось тишины, отослала их погулять в сад.

Войдя во внутренние покои, она достала из шкатулки медную коробочку и шлёпнула мне в ладонь:

— Сама мажь.

Открыв коробочку, я увидела зелёную мазь — не пойму, что за снадобье. Поднесла к носу — аромат свежий, бодрящий. Не удержалась, усмехнулась:

— Пахнет, как ты.

Она сидела на краю кровати, скрестив руки на груди, не глядя на меня и не достаивая ответом. Мне осталось лишь сконфуженно опустить голову и набрать немного мази на тыльную сторону ладони. Дворцовые окна, надо признать, сделаны на совесть — удар оставил на обеих руках красные полосы. Сначала не чувствовала, но теперь боль проступила — тупая, ноющая. Подбородок тоже начал ныть. Глянув в зеркало, увидела: припухло.

Будь это в моих покоях, такая «рана» стала бы событием. Но раз А-Хуань не жалеет, и я не придаю значения. Намазала как попало, аккуратно закрыла коробочку и почтительно протянула обратно:

— Благодарю за мазь. Готова.

Она приподняла веко, покосилась на меня, но не взяла коробочку, лишь холодно произнесла:

— И это всё?

Я уловила в её тоне нотку жалости и обрадовалась, но нарочито сказала:

— Пустяки, можно и без мази.

Она бросила на меня взгляд, выхватила коробочку, встала и скомандовала:

— Садись.

Я покорно села. Она встала передо мной, взяла немного мази и нежными кругами нанесла мне на тыльные стороны ладоней. Прохладная мазь смягчила жжение. Затем она кивнула мне:

— Подними лицо.

Я подняла лицо, позволив ей равномерно намазать и подбородок. Закончив, я улыбнулась:

— Всего два раза к тебе пришла, и оба раза окно меня подвело. Надо бы в твоей комнате окна вообще убрать.

Она сверкнула на меня глазами, грохнула коробочку на туалетный столик и сама уселась перед ним, отвернувшись.

Прикинув её настроение, я осторожно поднялась, медленно подошла и встала за её спиной, тихо промолвив:

— А-Хуань, мне нужно с тобой поговорить. Знаю, слова будут неприятные, но... это важно для тебя.

Она взглянула на меня, внезапно встала, подошла к окну, наглухо его закрыла, затем — к двери, заперла её на засов. Вернувшись, сказала:

— Говори.

Увидев такие приготовления, я заколебалась. Уткнувшись взглядом в носки туфель, долго смотрела на них, прежде чем вымолвить:

— А-Хуань, моя матушка... она не обычный человек.

А-Хуань фыркнула.

Я поспешила добавить:

— Не пойми превратно. Я хочу сказать... она, возможно, ещё необычнее, чем ты думаешь. Матушка... Ваше Величество... в будущем она совершит такое, чего сейчас никто не может вообразить. И эти дела затронут... многих.

А-Хуань приподняла бровь:

— Какое мне до этого дело?

Видя её реакцию, я замялась ещё больше. Наконец, запинаясь, выдавила:

— Я... я боюсь матушки. Если ты будешь со мной... тебе будет опасно.

Она опустила глаза:

— Разве в этих стенах когда-либо безопасно? Не будь я с тобой — разве моя жизнь стала бы легче?

Я топнула ногой:

— Не только в этом дело! Будь ты простой служанкой в моих покоях — многое тебя бы миновало. Но ты со мной... вот так. Вдруг кто узнает... К тому же, я ведь... всегда выйду замуж.

Сама не верила, что это говорю. Раньше, заслышав «замужество», я либо увиливала, либо тянула время, ни за что не желая вступать. А теперь не только произнесла сама, но и, кажется, смирилась.

Тошнотворная горечь поднялась из самой глубины, понемногу, покалывая. Глаза налились жаром, слёзы тут же хлынули. Я вытерла их и, стараясь говорить ровно, произнесла членораздельно:

— А-Хуань, я выйду замуж. А выйду — нельзя нам будет быть вместе.

Она резко вскочила и уставилась на меня. Тут я заметила, что почти сравнялась с ней ростом. Ей пришлось слегка встать на цыпочки, чтобы смотреть сверху вниз. Но даже одного роста, напор её ничуть не ослабел. Глаза сверкали, одним шагом она загнала меня в угол:

— Ли Тайпин, коли приглянулся тебе на стороне какой юнец, не хочешь больше со мной путаться — так и скажи прямо. Нечего морочить голову всякими странными речами. Таких уловок я насмотрелась — не проведешь.

Я остолбенела:

— Какой юнец?

Она смотрела, не отвечая. Глаза её были красны. Сначала я подумала — от злости, и затараторила:

— Я ни на кого не смотрела! Я... я вся твоя, Небо свидетель!

Она лишь усмехнулась, и в промежутке между усмешками я уловила лёгкое всхлипывание. Тогда я поняла — она плакала. От этого стало ещё больнее, чем от её гнева. У меня самой запершило в носу, глаза намочились:

— Я же всё время с тобой! Что делаю за день, кого вижу — ты же знаешь! Когда я видала каких юнцов? Когда они мне нравились? Злись на меня, если хочешь, но не сомневайся! Твои сомнения... мне больно.

Схватив её руку, прижала к груди:

— Почувствуй — как стучит. Так быстро... и так больно.

Сердце моё и вправду билось часто, слишком часто. Я чувствовала, как кровь приливает от

сердца, разливается по телу, вызывая волны жара. Лицо моё наверняка пылало, хоть я и не помнила, когда в последний раз сердце колотилось так. Помнила лишь, что в тот раз даже матушка, всегда невозмутимая и выдававшая виды, порядком перепугалась.

А-Хуань, видно, тоже испугалась моей бледности. Прикрыв ладонью мою грудь, она торопливо заговорила:

— Ладно, ладно, не сомневаюсь. Только успокойся сначала.

Попыталась уложить меня на кровать, но я покачала головой:

— Так... лучше.

Она бросилась звать служанок, но я уцепилась за неё:

— Побудь, поговори со мной. Мне станет легче — сердце утихнет. Утихнет — скоро пройдёт.

Она с недоверием смотрела на меня. Я на время оставила её, закрыла глаза, сосредоточилась на биении сердца. К счастью, с детства замечала некоторые особенности своего организма, всегда береглась, да и придворные лекари тщательно меня опекали, так что недуг был несерьёзный. Сказала же я всё это больше чтобы А-Хуань напугать. Теперь, видя её уступку, я, сидя, отрегулировала дыхание — сердце постепенно успокоилось.

Она не сводила с меня глаз, держала мою руку. Едва я открыла веки, она сразу спросила:

— Лучше? Провожу тебя назад, позовём лекаря.

Я смотрела на неё, крепко сжимая её руку:

— Будешь ты цела и невредима — и со мной всё будет хорошо.

Она уставилась на меня:

— Когда ты вынуждала меня признаться в чувствах, почему не боялась? А теперь вдруг заботиться стала — не слишком ли поздно?

Я смотрела на неё, остолбенев.

<http://bllate.org/book/16278/1466735>